

И.М. Дзялошинский

СПРАВЕДЛИВОСТЬ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Какие бывают «справедливости»?

Категория «справедливость» относится к числу часто употребляемых в самых разных дискурсах: политическом, юридическом, публицистическом, житейски-бытовом. Объясняется это как очевидной несправедливостью окружающего мира, так и предельной размытостью смыслового наполнения этого понятия. Студенты факультета журналистики МГУ и факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ, которых попросили в письменной форме дать ответ на вопрос: «Что такое справедливость?», разделились на три основные группы (в опросе участвовали 400 человек):

1) 46 процентов участников опроса пришли к выводу, что справедливость есть принцип организации общественной жизнедеятельности, обеспечивающий правильное распределение ресурсов (38 %) и равенство возможностей (8 %);

2) 23 процента опрошенных в той или иной форме указали на то, что справедливость выступает в качестве регулятора - нравственного или законодательного - межчеловеческих отношений;

3) 20 процентов опрошенных жестко и однозначно отказались давать какое-либо внятное определение этого понятия, так как, по их мнению, либо «нельзя дать определение тому, чего не существует», либо «у каждого есть свое понимание справедливости».

Остальные участники опроса, выбрав вариант «Другой ответ», не расшифровали его.

Включаясь в обсуждение проблемы справедливости, не могу удержаться от большой цитаты из хорошо известного литературного произведения.

«Возвратившись в номер, Остап увидел, что молочные братья уже сидят друг против друга на полу и, устало отпихиваясь ладонями, бормочут: "А ты кто такой?"

- Не помешал ли я вам? Вы что-то делали тут на полу? Вы делили деньги? Продолжайте, продолжайте, я посмотрю.

- Я хотел честно, - сказал Балаганов, собирая деньги с кровати, - по справедливости. Всем поровну - по две с половиной тысячи.

И, разложив деньги на четыре кучки, он скромно отошел в сторону, сказавши:

- Вам, мне, ему и Козлевичу.

- Очень хорошо, - заметил Остап. - А теперь пусть разделит Паниковский, у него, как видно, имеется особое мнение.

Оставшийся при особом мнении Паниковский принялся за дело с большим азартом. Наклонившись над кроватью, он шевелил толстыми губами, слюнил пальцы и без конца переносил бумажки с места на место, будто раскладывал большой королевский пасьянс.

После всех ухищрений на одеяле образовались три стопки: одна - большая, из чистых, новеньких бумажек, вторая - такая же, но из бумажек погрязнее, и третья - маленькая и совсем грязная.

- Нам с вами по четыре тысячи, - сказал он Бендеру, - а Балаганову две. Он и на две не заработал.

- А Козлевичу? - спросил Балаганов, в гневе закрывая глаза.

- За что же Козлевичу? - завизжал Паниковский, - Это грабеж! Кто такой Козлевич, чтобы с ним делиться? Я не знаю никакого Козлевича.

- Все? - спросил великий комбинатор.

- Все, - ответил Паниковский, не отводя глаз от пачки с чистыми бумажками. - Какой может быть в этот момент Козлевич?

- А теперь буду делить я, - по-хозяйски сказал Остап. Он, не спеша, соединил кучки воедино, сложил деньги в железную коробочку и засунул ее в карман белых брюк.

- Все эти деньги, - заключил он, - будут сейчас же возвращены потерпевшему гражданину Корейко. Вам нравится такой способ дележки?

- Нет, не нравится, - вырвалось у Паниковского.

- Бросьте шутить, Бендер, - недовольно сказал Балаганов.

- Надо разделить по справедливости.

- Этого не будет, - холодно сказал Остап. - И вообще в этот полночный час я с вами шутить не собираюсь...

У Балаганова сразу сделалось мокрое, как бы сварившееся на солнце лицо.

- Зачем же мы работали? - сказал он, отдуваясь. - Так нельзя. Это... объясните.

- Вам, - вежливо сказал Остап, - любимому сыну лейтенанта, я могу повторить только то, что я говорил в Арбатове. Я чту Уголовный кодекс. Я не налетчик, а идейный борец за денежные знаки. В мои четыреста честных способов отъема денег ограбление не входит, как-то не укладывается. И потом мы прибыли сюда не за десятью тысячами. Этих тысяч мне лично нужно по крайней мере пятьсот» [14].

Очевидно, что в данном примере показаны три принципиально разных подхода к пониманию справедливости:

- подход, опирающийся на личный интерес конкретного индивида;
- подход, учитывающий интересы всех членов социальной группы;

- подход, встраивающий справедливость в концептуальную модель решения социальных проблем.

Прежде чем обратиться к анализу этих подходов, зафиксируем некоторые методологические соображения, определяющие направление дальнейших размышлений.

В любом акте человеческого поведения можно выделить три слоя:

- технологии действий;
- идеолого-этические объяснения и оправдания того или иного действия;
- фундаментальные принципы, на базе которых формулируются объяснения и оправдания человеческих поступков.

Что касается технологий действий, то они осваиваются через подражание, наблюдение, научение и впечатываются в деятельностный аппарат человека в качестве автоматизмов.

Обратившись к идеолого-этическому уровню человеческого поведения, следует сказать, что осмысление своих действий и отношений, самоанализ возможны только в том случае, если существует некий понятийно-оценочный комплекс, задающий язык, на котором может быть осуществлена рефлексия, и система координат, определяющих направленность рефлексивных процессов. Этот понятийно-оценочный комплекс идей и представлений мы и обозначаем понятием «идеология» (см. прим. 1).

«Идеология - это она дает искомое оправдание злодейству и нужную долгую твердость злодею. Та общественная теория, которая помогает ему перед собой и другими обелять свои поступки, и слышать не укоры, не проклятья, а хвалы и почет. Так инквизиторы укрепляли себя христианством, завоеватели - возвеличением родины, колонизаторы - цивилизацией, нацисты - расой, якобинцы и большевики - равенством, братством, счастьем будущих поколений!» [35, 172].

Все это близко и к другому понятию – «социально-профессиональная идентификация» (от лат. *identificacio* - отождествление). В психоанализе - это «процесс, в результате которого индивид бессознательно или частично бессознательно, благодаря эмоциональным связям ведет себя (или воображает себя ведущим) так, как если бы он был тем человеком, с которым данная связь существует»; в социальной психологии - это «отождествление индивидом себя с другим человеком, непосредственное переживание субъектом той или иной степени своей тождественности с объектом» [31, 122].

Обратившись к третьему слою (уровню) человеческого поведения, который связан с архетипами, алгоритмами, языковыми дискурсами, «археологией» и историей деятельности и поведения [22], следует, прежде всего, зафиксировать связь этого слоя с глубинными факторами общественного развития. Речь идет об идеях Карла Поланьи [28] и Дугласа Норта [27], которые высказали предположения о том, что система институ-

тов каждого конкретного общества образует своеобразную институциональную матрицу, которая определяет спектр возможных траекторий его дальнейшего развития. Поланьи полагал, что институциональная матрица направляет экономические отношения между людьми и определяет место экономики в обществе, она задает социальные источники прав и обязанностей, которые санкционируют движение благ и индивидуумов при входе в экономический процесс, внутри него и на выходе. По определению Норта, институциональная матрица общества представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему. Норт считал, что экономические и политические институты в институциональной матрице взаимозависимы, политические правила формируют правила экономические, и наоборот. При этом и Поланьи, и Норт полагают, что каждое общество имеет конкретную, свойственную только ему институциональную матрицу.

Развивая эти идеи, С. Кирдина сформулировала положение о том, что «институциональная матрица – своеобразный генотип общества – складывается в момент образования государств и на протяжении их развития сохраняет свою природу» [19]. По мнению Кирдиной, человечество знает две базовые матрицы, которые во многом определяют образ жизни и социальной деятельности людей: X-матрица и Y-матрица. Каждая из этих матриц опирается на специфические именно для нее экономические, политические и идеологические институты. В интерпретации Кирдиной, с которой в данном вопросе трудно спорить, это выглядит следующим образом (см. табл. 1) [19]:

Таблица 1. Институциональные матрицы

X-матрица	Y- матрица
<i>Экономические институты</i>	
Верховная условная собственность	Частная собственность
Редистрибуция (аккумуляция-согласование-распределение)	Обмен (купля-продажа)
Кооперация	Конкуренция
Служебный труд	Наемный труд
Снижение издержек (X-эффективность)	Возрастание прибыли (Y-эффективность)
<i>Политические институты</i>	
Административное деление	Федерация
Иерархическая вертикаль во главе с центром	Самоуправление и субсидиарность
Назначения	Выборы
Общее собрание и единогласие	Многopартийность и демократическое большинство
Обращения по инстанциям	Судебные иски

<i>Идеологические институты</i>	
Коллективизм	Индивидуализм
Эгалитаризм	Стратификация
Порядок	Свобода

С. Кирдина предложила еще один важный критерий для классификации общественных институтов. По ее мнению, все институты, регулирующие действия людей и организаций, делятся на базовые и комплементарные. Базовые институты – исторически устойчивые социальные отношения, складывающиеся в ходе взаимодействия социальных групп, позволяющие им совместно выживать и развиваться в данных условиях. Комплементарными являются институты, действующие одновременно с базовыми институтами для выполнения аналогичных функций, то есть институты X-матрицы, действующие в обществах с доминированием Y-матрицы, и наоборот. Комплементарные институты всегда имеют менее распространенный характер, их действие опосредовано рамками базовых институтов, выражающих природу свойственной обществу институциональной матрицы.

Комплементарные институты носят вспомогательный, дополнительный характер, обеспечивая устойчивость институциональной среды в той или иной сфере общества. Но, как в генетике доминантный ген, «подавляя» рецессивный, задает проявляющиеся признаки живого организма, так и базовые институты определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, задают рамки и ограничения для действия дополнительных, вспомогательных институтов.

Изложенные выше соображения позволяют сформулировать тезис о том, что глубинный смысл, вкладываемый индивидом (или социальной группой) в понятие «справедливость», определяется соотношением базовых и комплементарных институтов. Разнообразные комбинации этих институтов приводят к тому, что в любом более или менее развитом обществе сосуществуют несколько альтернативных установок, которые образуют своеобразное «пространство», в пределах которого и формируются разные модели справедливости.

Генетически первая фундаментальная установка, возникающая в традиционном обществе, требует от личности находиться внутри определенного человеческого сообщества, рассматривать себя как заинтересованного участника совместного с другими решения общих проблем.

Именно этот тип описывает М. Глостанова, повествуя о жизненной философии сапатизма, согласно которой все сущее в этом мире взаимосвязано, а мир не отделен и неотделим от человека, он существует в нем и сквозь него [37].

Вторая установка, возникающая в условиях перехода от традиционного общества к обществу модерна, требует от индивида понимания своей

зависимости от других и необходимости помогать тем, кто слабее (в расчете на то, что в случае необходимости другие придут к нему на помощь). В этом случае справедливость понимается как относительно равномерное распределение ресурсов, возможностей и богатств между всеми членами общества, коллектива, народа. В таком обществе слабый, больной и неловкий знает, что у него есть защита и покровительство. Ярким проявлением так понимаемой справедливости является благотворительность, о которой мы еще поговорим.

Третья установка, возникающая практически одновременно со второй, ставит индивида над группой (а в пределе – над всем человечеством), определяя его право рассматривать всех других людей как ресурс. С точки зрения этой установки, справедливо все, что обеспечивает свободу индивида.

В современном обществе все эти три установки сосуществуют, переплетаются и образуют весьма причудливые комбинации.

Справедливость – зачем?

Если не слишком усложнять ситуацию, то очевидно, что социальный смысл концепции справедливости определяется стремлением людей к благоденствию. Толкование слова «благоденствие» в разных словарях дается без существенных расхождений: все доброе, полезное, служащее к нашему счастью; счастливая, благополучная жизнь, покой, мир, довольство и полная обеспеченность.

Исследованием теории общественного благоденствия занимались многие ученые с древнейших времен. На современном этапе развития науки – с начала XX века – среди зарубежных ученых выделяются Б. Аккерман [42], Э. Гутманн и Д. Томпсон [45], У. Кимлика [18], Дж. Маджоне [20], Л. фон Мизес [23], Р. Нозик [26], Дж. Ролз [33], А. Сен [34], Ч. Тейлор [36], М. Фридман [38], Ф.А. фон Хайек [39, 40].

Проблеме благоденствия уделили значительное внимание и российские исследователи Е. Агапова [1], В. Бобков [8], Е. Давыдова и А. Давыдов [10], Л. Дартау, Ю. Мизерницкий и А. Стефанюк [11], Г. Зараковский [13], Б. Каверин [17], Н. Римашевская [32].

Характеристикой человеческого счастья – показательной для качества жизни человека и благоденствующего общества – занимались М. Аргайл [4], Р. Айдинян [2], П. Брюкнер [9], И. Джидарьян [12], Б. Попов [30], С. Франклин [44] и др.

В работах этих и многих других авторов подчеркивается, что благоденствие – это приемлемый и желаемый уровень и качество жизни, это возможности для процветания, условия для обеспечения материальных потребностей (а именно: средства на приобретение товаров и услуг, возможность выбора среди них, гарантия качества предоставляемых товаров и

услуг), которые логично дополняются условиями для нематериального обогащения, или духовного развития (см. прим. 2).

Либеральное (или социально-либеральное) толкование проблематики общественного благоденствия представлено американским философом Джоном Ролзом [33]. Дж. Ролз описал идеальные условия, в которых концепция справедливости должна вырабатываться, реализовываться и поддерживаться. В его системе «вполне упорядоченное» общество за «занавесом неведения» заключает исходное соглашение по принципам справедливости, стороны соглашения исходно равны и рациональны, и благо здесь – «удовлетворение рационального желания» [33, 36]. Соглашение происходит с учетом двух фундаментальных принципов справедливости – принципа свободы и принципа дифференциации. По первому принципу, людям должны быть предоставлены права на максимальную, по возможности, совокупность равных основных свобод. По второму принципу, «социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы они были (а) к наибольшей ожидаемой выгоде наименее преуспевших и (б) делали доступ к должностям и положениям открытым для всех в условиях честного равенства возможностей» [33, 84].

Дж. Ролз постарался обосновать принцип взаимной выгоды для эффективного общественного сотрудничества, и в его идеальной модели ситуация полной взаимной выгоды для всех групп возможна. Очевидная проблема заключается в том, что такая идеальная схема недостижима в реальных условиях. В частности, американский политический философ Роберт Нозик писал: «Ролз не доказал, что более обеспеченный человек А не имеет оснований для недовольства тем, что от него требуют обойтись меньшим, чтобы В мог иметь больше, чем он имел бы в другом случае. Ролз не может доказать этого, потому что у А действительно есть основания для недовольства» [26, 247, 249].

Работа Дж. Ролза вызвала большое оживление в научном мире, послужила предметом споров и источником для развития новых теоретических направлений – либертариизма и коммунитаризма.

Представителями школы либертариизма являются Ф. фон Хайек, Р. Нозик, Л. фон Мизес, М. Фридман. Австрийский ученый Фридрих Август фон Хайек представлял теорию индивидуализма и конкуренции. Осуждая коллективизм и плановость и предупреждая о негативных последствиях их возрождения, Ф. Хайек отстаивал либертарианские взгляды о необходимости соблюдения человеческих прав и свобод – вплоть до самых, казалось бы, незначительных. Даже свобода в выборе работы необходима человеку для «ощущения благополучия» [39, 76], – писал он. «Благоденствие народа, так же как и счастье одного человека, зависит от множества причин, которые слагаются в бесчисленное множество комбинаций. Его нельзя адекватно представить как единую цель: разве что как иерархию целей, всеобъемлющую шкалу ценностей, в которой всякий человек сможет найти место

каждой своей потребности» [39, 49]. Именно поэтому в плановых экономиках благоденствия быть не может.

Интересен нетривиальный вывод Ф. Хаеика: формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства, нацеленными на обеспечение материального равенства различных людей, и всякий политический курс, основанный на идее справедливого распределения, однозначно ведет к разрушению правозаконности. Ведь чтобы политика давала одинаковые результаты применительно к разным людям, с ними надо обходиться по-разному» [39, 65]. Что касается институционального оформления благоденствия, ученый выказывал уверенность, что на социальные силы и институты можно воздействовать только искусными техниками и ненасильственными методами, так как институты меняются лишь в ходе эволюции. Это означает ограниченность попыток повлиять на все институты, как способствующие, так и препятствующие распространению общественного благоденствия.

Как и Хайек, американский ученый Роберт Нозик выступал от имени либертарианского течения и многие свои положения строил в полемике с Дж. Ролзом (см. прим. 3). Р. Нозик доказывал необходимость ненасильственной схемы распределения материальных благ, ставя принцип свободы выше принципа равенства. Его концепция благоденствия не предполагает насильственных действий против людей, если только эти люди сами не нарушили чужие свободы. Нозик привел центральное либертарианское ограничение: «есть разные люди, живущие каждый своей жизнью, и ни одним нельзя пожертвовать для других <...> люди обладают независимым существованием и не являются ресурсом для других людей» [26, 57]. Из этого следует «запрет на агрессию против других» [26, 58]. В ходе своих научных изысканий Р. Нозик пришел к выводу о неизбежности и необходимости существования «минимального государства», исполняющего исключительно защитные функции для охраны жизни и собственности граждан от насилия.

Милтон Фридман также не рекомендовал ставить равенство выше свободы – иначе не получится достичь ни того, ни другого. Из блага свободы, – писал М. Фридман, – выводятся такие важные блага, как разнообразие и мобильность, а они, в свою очередь, обеспечивают потребность людей самим для себя выбирать риски, потребность в конкуренции. Рыночная конкуренция хороша тем, что при ней растет «общий пирог», вследствие чего все могут получить большие «куски». М. Фридман критиковал альтернативу конкуренции – политику свободных действий правительства, его непомерный патернализм. Ученый предостерегал об опасности увеличения силы государства, пусть и ради мнения, что «правильные люди» у руля сильного государства сделают много хорошего: это вряд ли возможно, негодные средства могут извратить благие цели [38, 346]. Возвращаясь к своей идее, М. Фридман писал, что «в целом, рыночная конку-

рентия <...> защищает потребителей лучше, чем альтернативные правительственные механизмы» [38, 256].

Альтернативное либертарианству течение коммуитаризма представлено в исследованиях канадских ученых У. Кимлики и Ч. Тейлора, в работах индийского ученого А. Сена.

Чарлз Тейлор выдвинул важный тезис о неразложимости социальных благ в одноименной работе [36]. Он повел научный спор с теми, кто заявляет, что социальные блага типа национальной обороны полезны постольку, поскольку они приносят выгоду каждому из индивидов (в этом он полемизировал с учением атомизма). Ч. Тейлор утверждал: есть немало случаев, когда благо объединяет индивидов в коллектив и приносит пользу коллективу в целом. Яркий пример – культура, которая не является индивидуальным благом. Детализация вопросов блага и права на таком уровне, как у Тейлора, полезна для выработки действительно эффективной и реализуемой теории общественного благоденствия.

Амартия Сен представил свою позицию: процесс исторического развития эквивалентен процессу расширения человеческих свобод; при этом универсальным средством достижения свобод и обеспечения «хорошей» жизни является материальное богатство [34].

В фундаментальном политологическом издании «Политическая наука: новые направления» [29] в ряде статей также затронута тема социального благоденствия. Так, итальянский профессор, специалист по сравнительной политологии Джандоменико Маджоне [20] пишет об эффективности социальной политики и кризисе государства всеобщего благоденствия.

Интересную версию общественного благоденствия предлагает ЮНЕСКО. Эта международная организация рассматривает общество благоденствия через концепцию общества знаний, предполагающую реализацию таких принципов, как: свобода слова, расширение доступа к информации и знаниям, содействие культурному разнообразию, равный доступ к качественному образованию [41]. Осуществление концепции, в частности, предполагает сокращение информационного разрыва между развитыми и развивающимися странами.

Социальная политика государства – воплощение справедливости?

Справедливость как принцип организации общественной жизнедеятельности давно переросла формат межличностных отношений и стала фундаментальным фактором, определяющим социальную политику современных государств и деятельность бизнес-корпораций.

Социальная политика государства, выступающая в современных условиях в качестве мощной силы общественного развития, предназначена

выполнять ключевую роль в решении социальных проблем, встающих перед той или иной страной.

Следуя общепризнанным принципам, Конституция нашей страны провозглашает, что Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это предполагает охрану труда и здоровья людей, гарантированный минимальный размер оплаты труда, государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

Приоритет социальной политики, равно как и социальной сферы, означает в первую очередь поиск реальных путей к более высокому уровню потребления, росту продолжительности жизни, дальнейшему развитию образования и культуры, экологическому благополучию, недопустимости каких-либо попятных шагов на свертывание социальных программ и умаление гарантий. Люди в любой стране не довольствуются минимумом социальных улучшений, а надеются на вполне обеспеченную, безопасную и цивилизованную жизнь. Они хотят, чтобы социальная политика продвигалась не «гуманизмом поневоле», а высокой целью доведения «социального минимума» до достойного человека уровня.

Но так дело обстоит не везде. В ряде стран, к которым можно отнести и Россию, социальная политика не является хорошо продуманным, концептуально выверенным инструментом регулирования социальных отношений и процессов, средством оптимальной увязки экономической и социальной сфер. В частности, не достаёт понимания той простой истины, что низкие заработки и доходы ограничивают спрос на товары и услуги, лишают производство емкого и платежеспособного рынка сбыта. Социальная сфера - вовсе не изживенка, а социальные расходы - не безвозвратные затраты, не простой вычет из экономических ресурсов. Они совершенно необходимы как вложения в человеческий капитал, которые, в конечном счете, оборачиваются повышением производительности и качества труда, расширением потребления. Таким образом, взвешенная социальная политика весьма значима как своего рода инвестор, стимулятор экономического роста и благосостояния общества.

Для успеха социальной политики государства важно, чтобы по поводу ее главных ориентиров и приоритетов достигалось общественное согласие. В рамки такого консенсуса «вписываются» гармонизация интересов граждан и государства в целом, социально-психологическое восприятие большей частью общества целей и методов государственного регулирования экономики и социальной сферы, взаимодействие участников социального партнерства (см. прим. 4), позволяющего цивилизованным способом решать проблемы занятости, улучшения условий и оплаты труда,

социальной защиты как работающих, так и всего населения. Только так достигаются доверие народа правительству, массовая поддержка проводимой им социальной политики.

Справедливость как основа социальной ответственности бизнеса

Что касается бизнеса, то принцип справедливости в настоящее время трансформировался в концепцию социальной ответственности. Эта концепция обосновывает положение о том, что бизнес несет ответственность не только за соблюдение законов и производство качественного продукта или услуги, но и добровольно берет на себя обязательства перед обществом, работает на улучшение качества жизни людей.

Согласно этой точке зрения, бизнес несет ответственность перед обществом, в котором функционируют, помимо и сверх обеспечения эффективности, занятости, прибыли и соблюдения закона. Организации должны направлять часть своих ресурсов и усилий на социальное развитие общества, обязаны жертвовать на благо и совершенствование общества. Более того, в обществе сложились определенные представления и стереотипы того, как должна вести себя организация, чтобы считаться добропорядочным корпоративным членом общества.

Существуют три основных теоретических обоснования концепции социально ответственного бизнеса. Первое, включающее *теорию корпоративного эгоизма*, подчеркивает, что единственная ответственность бизнеса - увеличение прибыли для своих акционеров. Вторая точка зрения - *теория корпоративного альтруизма* – обосновывает, что корпорации обязаны вносить значительный вклад в улучшение качества жизни. Третью позицию представляет одна из самых сильных «центристских» теорий, *теория «разумного эгоизма»*, согласно которой социальная ответственность бизнеса - это просто «хороший бизнес», поскольку сокращает долгосрочные потери прибыли. Тратя деньги на социальные и филантропические программы, корпорация сокращает свои текущие прибыли, но в долгосрочной перспективе создает благоприятное социальное окружение и, следовательно, устойчивые прибыли.

В настоящее время наиболее распространены две модели социальной ответственности: американская и европейская. В американской модели доминирует филантропия, когда компания делится частью прибыли, вкладывая ее в общественно-полезные инициативы – жертвует на благотворительные нужды. С точки зрения инвестора благотворительная деятельность свидетельствует о социальной устойчивости компании, что при прочих равных условиях делает ее более привлекательной для вложений. К тому же, именно эта модель находит наибольшее понимание со стороны населения, общественных организаций и персонала. Негативной стороной американской модели является распространенное среди населения мнение,

что компания, активно вкладывающая в благотворительность, отмывает деньги.

Социальная ответственность по-европейски - это включение социальной деятельности в общую стратегию создания добавленной стоимости компании. Все финансируемые мероприятия в рамках такой модели работают на максимизацию прибыли. Наиболее распространенными объектами инвестиций являются: развитие персонала компании, вклад в развитие муниципальных образований, где расположены производственные мощности компаний, природоохранная деятельность, развитие науки, образования и технологий, благотворительные вложения с участием сотрудников компании, программы приведения деятельности компании в соответствие с мировыми отраслевыми стандартами.

В настоящее время в российском бизнес-сообществе тема социальной ответственности начала приобретать не только теоретический, но и практический смысл. Эволюция вопроса состоит в том, что российский бизнес (пока речь идет только о крупных корпорациях) начал переходить от форм чистой благотворительности к стратегиям, где социальная ответственность уже стала частью корпоративной культуры.

Вместе с тем нужно учитывать, что в России идеологию социальной ответственности, как ее понимает западное сообщество, в состоянии принять только крупный бизнес. Для большинства российских предприятий понятие социальной ответственности связано с предоставлением социально значимых услуг для местного населения и социальными «поборами» со стороны местных властей. Такая социальная роль скорее может трактоваться как социальная нагрузка, а не как социальная ответственность. В сложившихся институциональных условиях средний бизнес не получает ни материального, ни морального эффекта от той социальной роли, которая ему фактически навязывается. Он не имеет никакой защиты от так называемого социального «рэкета».

Справедливость в постмодернистском обществе

Выше уже говорилось о том, что ярким проявлением справедливости является – в определенных условиях – благотворительность. Благотворительность существовала всегда. Но, принимая разные формы, она опиралась на различные схемы обоснований. В архаических обществах смысл благотворительности заключался в общинном противодействии чрезмерному обнищанию некоторых членов общины. Под эту социально понятную обязанность благополучных членов общины подводилась внушительная идеологическая база. Дело доходило до того, что благотворительность рассматривалась не просто как помощь конкретному члену общины, а как преодоление общей несправедливости мира. В Талмуде благотворительность обозначается словом *цдака* (צדקה). Поскольку это слово означает

буквально «праведность» или «справедливость», то сам выбор его свидетельствует об отношении законодателей Талмуда к благотворительности. (Одновременно это означает, что комментаторы святых книг хорошо понимали несправедливость Бога, создавшего этот несправедливый мир. Чтобы выкрутиться из этой щекотливой ситуации, мудрецы придумали замечательную формулу: «Всевышний мог бы распределить богатство поровну между всеми людьми. Но если бы все были богатыми или бедными, то кто был бы щедрым?»)

По мере усложнения отношений в общине понадобилось более сложная доктрина. Вот как ее реконструируют современные толкователи: «С точки зрения цифр может показаться, что занятие благотворительностью ухудшает финансовое положение человека. Но если мы признаем, что Б-жье благословение является первоисточником богатства, то благотворительность следует рассматривать как самое разумное вложение капитала. Человек, у которого возникали финансовые затруднения, должен увеличить свой вклад в благотворительные цели, тогда он сможет рассчитывать на Б-жье благословение. «Платите десятину, чтобы иметь возможность преуспевать», – говорят наши мудрецы (*Талмуд, Таанис, 9а*). Благотворительность открывает пути для получения богатства с Небес. Действительно, прежде чем определить, в какой мере благословить человека, Б-г часто наблюдает за тем, сколько он отдает из уже имеющегося богатства на нужды другим» [7]. Другими словами, благотворительность – это способ завоевать себе благословение Божье.

Христианство, независимо от конкретной формы своего воплощения, впитало эти идеи и добавило к ним новые. В частности, речь идет о таких ценностях, как равенство и свобода. «Обе эти ценности числились среди фундаментальных основ христианской традиции, с которой идентифицировали себя европейцы – и это казалось вполне естественным. С одной стороны, религия, претендующая на универсальный характер, не могла не проповедовать равенство своих адептов – пусть даже такое ограниченное, как равенство перед лицом Всевышнего («Нет предо мною ни эллина, ни иудея» – говорит Иисус; Ветхий Завет рассказывает, что человек был создан Господом одним и единственным – прежде всего для того, чтобы показать, как приятно Ему «единство среди множества»). С другой стороны, сама идея грехопадения – как и вся моральная доктрина христианства – предполагают за человеком возможность выбора между добром и злом, и тем самым утверждают свободу воли, которая лежит в основе всех остальных свобод человека. Таким образом, в рамках христианской традиции удачно соединились идеи равенства и свободы – что и определило способность принявшей эту доктрину цивилизации к быстрому поступательному развитию. Более того; это развитие было тем успешнее, чем жестче церковь была отделена от государства и чем мощнее были ее позиции («подъ-

ем христианской церкви [как противовеса мирской власти] – первейший источник свободы на Западе», утверждает Ф. Закария)» [16, 10-11].

Понятно, что резкое расслоение общины на имущих и неимущих противоречило основополагающим идеям свободы и равенства. Благотворительность была прекрасным способом доказывать свою приверженность этим ценностям. Тем более что «в XVIII-XIX столетиях западные философы вышли за пределы христианской теории равенства и свободы. Они сочли, что равенство должно распространяться не только на религиозную, но и на социальную сферу, потребовав отмены сословий; и что свобода должна доминировать также и в политической области – вплоть до свободы выбора не только веры, но и правительства». [16, 11-12].

Совсем другой смысл благотворительность приобрела во времена расцвета классического капитализма, или, как сейчас говорят, в эпоху модерна. И, как свидетельствует В. Иноземцев, если за судьбы политического равенства можно было «не волноваться» уже к началу XIX века, когда американская и французская революции провозгласили равенство граждан перед законом и объявили народ источником суверенитета, то борьба за экономическое равенство только еще начиналась.

Сначала так называемые «утописты» начали рассуждать о некоем идеальном государстве, граждане которого хотя и бедны, но уравниваются в экономических правах; затем Ш. Фурье и немецкие коммунисты осудили буржуазное общество как воспроизводящее неравенство; потом К. Маркс и Ф. Энгельс создали концепцию, согласно которой капиталисты обогащаются за счет эксплуатации рабочих, которые лишены средств производства и потому вынуждены продавать свою рабочую силу. Основной задачей с этого момента провозглашалось устранение этой эксплуатации и тех социальных условий, которые делали ее возможной. Основоположники марксизма – и в этом вряд ли стоит сомневаться – были искренне уверены в осуществимости этой благородной задачи и боролись за ее воплощение в жизнь.

Современные общества Запада стали индустриальными уже в конце XIX века. Имущественное неравенство, сопровождавшее процессы промышленного развития, достигло к тому времени уровня, явно угрожавшего социальной стабильности. Наиболее дальновидные представители имущих классов понимали, что благотворительность может выступить прекрасным средством снятия социальной напряженности, заменителем социальной революции. Как свидетельствует профессор питерского филиала Высшей школы экономики Даниил Александров, первые крупные американские фонды – Пибоди, Карнеги, Рокфеллера и Сейдж – были созданы до принятия первого федерального закона 1913 года, предоставившего налоговые льготы при передаче части доходов благотворительным организациям. В Америке до 1910 года по статистике было основано 146 различных благотворительных фондов. При этом желание завещать деньги на благое дело

или даже передать их при жизни, никак не было связано вначале с надеждой на освобождение от налогового бремени. Более того, общая статистика движения денежных средств, принадлежащих фондам, не показывает резкого роста объемов финансирования, выделяемых на благотворительность после 1913 года, хотя, конечно, число фондов и их суммарные активы продолжали все время расти [3].

Что касается современной России, то идеология благотворительности здесь опирается на очень простые тезисы.

1. Есть богатые люди и богатые организации. Есть бедные люди и бедные организации. Богатые должны помогать бедным.

Дальше приводится длинный список обоснований.

2. Государству функцию оказания помощи бедным людям и бедным организациям доверить нельзя, потому что государство решать социальные проблемы не умеет.

Дальше приводится длинный список обоснований.

3. Именно богатые люди, ставшие богатыми благодаря своему предпринимательскому таланту, сумеют с помощью своего таланта и опыта профессионалов, работающих в благотворительных фондах, куда лучше помочь бедным и решить социальные проблемы.

Дальше приводится длинный список обоснований.

4. Чтобы поток помощи от богатых к бедным увеличился, надо чтобы государство уменьшило налоговые тяготы богатых, стимулируя их помогать бедным.

Дальше приводится длинный список обоснований.

Российские специалисты, выбравшие в качестве ориентира американскую модель благотворительности, утверждают, что развитие благотворительности в России давно переросло рамки традиционного меценатства и безвозмездной помощи обездоленным. Конечно, и сейчас существует много добрых людей, готовых жертвовать по велению сердца, не задумываясь о программности своих действий. Но появилось и другое понимание благотворительности. Крупные предприятия выработали свои социальные программы, которые вписываются в концепцию социальной ответственности бизнеса (см. прим. 5).

В другом документе утверждается, что «стойкая тенденция последних двух лет – «мода» на благотворительность. Все больше компаний и предпринимателей – представителей не только крупного, но и среднего, и мелкого бизнеса, – охотно тратят средства на благотворительные цели» [6].

Под эту тенденцию подводится солидная теоретическая и нормативная база. И есть огромное количество аргументов, доказывающих позитивность этой тенденции. Однако я позволю себе слегка усомниться в истинности этого общераспространенного мнения.

Сейчас наступает новая эпоха, у которой есть множество названий. Не вдаваясь в анализ большого количества трудов, в которых рассматриваются различные аспекты этой новой эпохи, отмечу одно важное обстоятельство, имеющее прямое отношение к теме благотворительности. **Доминирующее место в составе имущих классов начинают занимать люди, главным богатством которых являются знания, конвертируемые ими во все другие блага.** Высоккоквалифицированные специалисты, собственники «интеллектуального капитала» [15] образуют так называемый «класс профессионалов», вхождение в который требует уже не просто диплома о высшем образовании, а высочайшей квалификации и большого опыта. Это разносторонне образованные люди, сведущие в финансах, страховании, коммуникациях, торговле, управлении. Эти люди имеют дело с формулами, аналогиями, моделями, интеллектуальными конструкциями, категориями и сравнениями. Их задача заключается в том, чтобы в хаосе обрушивающейся на них информации выделить и переосмыслить нужные данные и придать им иной порядок [50, 34].

Для обозначения этих людей все чаще используется понятие «транс-профессионалы» [49, 21, 5]. К этой категории сотрудников можно причислить: программистов, юристов, дизайнеров, консультантов, экспертов и аналитиков, бизнес-тренеров и людей многих других профессий, способных без физических средств производства и без поддержки организации создать готовый продукт. Сюда же можно отнести профессиональных менеджеров, которые должны быть готовы свободно, за счет своего мышления и способов организации своей деятельности работать в различных профессиональных средах.

В первую очередь эти специалисты («золотые воротнички») ориентированы на оперирование в своей работе информацией и знаниями, их профессиональная деятельность не зависит от собственности на средства и условий производства. Многие из них определяют свои наиболее принципиальные интересы не в терминах максимизации личного богатства, а в категориях собственного интеллектуального роста и развития.

Акценты во внутренней мотивации интеллектуальных работников значительно отличаются от акцентов в мотивации традиционных сотрудников. Наиболее значимым мотивом становится стремление к новому: новому опыту, новым задачам. При этом на второй план уходят такие традиционные мотиваторы, как материальное и нематериальное вознаграждение, комфортность рабочего места, график работы. Развитие становится основой внутренней мотивации «золотых воротничков».

Доля транспрофессионалов в структуре работников неуклонно растет. Западные исследователи относят к этой категории не менее 30 процентов всего работающего населения, и эта цифра все время увеличивается. В России доля «золотых воротничков» существенно меньше, но тоже очень быстро растет. Именно представители этой новой социальной группы, ко-

торая стала формироваться в своем нынешнем виде с середины 80-х годов прошлого века, и стали носителями идей «революции интеллектуалов». «Революция интеллектуалов» основана на новом качестве современного образования и нового отношения к нему. Ввиду роста стоимости образования образованная страта замыкается, отсеивая посторонних. В работах В. Иноземцева приведены красноречивые статистические данные, свидетельствующие о нарастании этих процессов [15, 16].

Новый «высший класс» стремительно консолидируется. Его представители, «успешно строят карьеру, которая позволяет им реализовать свои способности и добиться уважения; на них работает технология, расширяя их возможности для выбора и повышая степень их свободы; ...они начинают тяготеть друг к другу, получая, благодаря своему богатству и техническим средствам, все более широкие возможности совместной работы и тесного общения в полной изоляции от остальных» [46, 21-22]. Сегодня это отмечают многие социологи, одни – с удовлетворением, другие – с озабоченностью. При этом рост благосостояния фактически не затрагивает большинства работников даже среднего, и тем более низшего эшелона; поэтому можно согласиться с тем, что хотя «даже в Америке всегда существовал привилегированный класс, никогда ранее он не находился в такой опасной изоляции от окружающего мира» [47, 4].

Богатство «класса интеллектуалов» оказывается не следствием эксплуатации трудящихся, а во все большей мере является результатом его собственных усилий. Поэтому для представителей этого класса имущественное неравенство более не является синонимом социальной несправедливости, будучи скорее естественной чертой новой цивилизации.

С другой стороны, в развитых странах резко возрастает количество людей, которых нобелевский лауреат Г. Мюрдаль назвал «underclass'ом»: «ущемленный в своих интересах класс, состоящий из лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадежности отделены от общества, не участвуют в его жизни и не разделяют его устремлений и успехов» [48, 10]

Под такое определение подпадает весьма значительная часть граждан современных постиндустриальных обществ. В условиях роста доли национального богатства, присваиваемого «классом интеллектуалов», добросовестного труда наемного работника уже недостаточно для получения дохода, позволяющего относить себя к среднему классу, как это было в индустриальную эпоху. Сегодня, в то время как обладатели уникальных знаний и способностей оказываются в привилегированном положении на рынке труда, низкоквалифицированные работники попадают в гораздо более тяжелое положение, так как даже «стабильный экономический рост не может обеспечить их «хорошими» рабочими местами, как это было в прошлом» [43, 10]

Все сказанное выше означает, что ряды относительно неимущих будут пополняться, уровень социальной напряженности повышаться, что,

собственно говоря, уже происходит и в развитых странах Запада, и в России. Известный социолог Лев Гудков констатирует: «Социальная зависть в стране увеличивается параллельно росту благосостояния. Однако сильнее россияне завидуют не богатым и знаменитым, не олигархам и большим начальникам, которых большинство видит только по телевизору, а чуть более обеспеченным соседям» [25]. Что касается богатства и благополучия, то они в «представлении граждан объясняются доступом к власти, злоупотреблениями чиновников, коррупцией, спекуляциями, но никак не модернизацией и ростом производства, эффективностью труда, инновациями» [25].

И еще одна цитата: «Если определять в категориях западной системы стратификации, то максимум недовольства и напряжения отмечается в группах, занимающих место между «средненизким» и «низшим» классами. Между теми, кто сохраняет свое прежнее положение или поднялся до него, и теми, кто сегодня стоит на нижних ступеньках социальной лестнице (составляющих нижнюю треть). Напряжение связано со статусной неопределенностью или неустойчивостью социального положения: человек остро переживает свое социальное снижение или, что тоже очень характерно для зон напряженности, он даже реально поднимается вверх, но боится опять опуститься по лестнице социальной иерархии. Вот здесь — на стыке среднего и нижнего уровня статусов — и возникают наибольшее напряжение и наибольшая зависть. Те, кто ниже среднего, соотносят себя со средними и испытывают острый комплекс неполноценности от того, что они не могут достигнуть среднего уровня, быть по меньшей мере «как все». Причем напряжение равносильно, поднимается ли жизненный уровень этой группы или опускается. В социально-профессиональном плане, как правило, эти люди — бюджетники, специалисты с высоким уровнем образования и низкими доходами. Здесь фиксируется наибольший разрыв между самооценкой и действительностью, то есть тем, что им, по их представлениям, положено получать, и тем, что они имеют» [25].

Все сказанное выше свидетельствует о том, что идет формирование принципиально новой социальной среды, в которой традиционные схемы и обоснования благотворительной деятельности срабатывать не будут.

Во-первых, размывается класс нуждающихся.

Во-вторых, иссякает энтузиазм благотворителей, которые начинают понимать, что никакими, даже самыми масштабными акциями невозможно решить ни одной более или менее значимой социальной проблемы.

В-третьих, происходит ренессанс государства. (Например, Российское государство после прихода к власти Владимира Путина, взяло линию на концентрацию в своих руках всех основных ресурсов социального развития во всех сферах жизнедеятельности общества. Властные структуры

берут под свой контроль в том числе и те ресурсы, которые бизнес готов вкладывать в благотворительность.)

Ну, и наконец, невозможно не сказать о все увеличивающемся и не имеющем тенденции к снижению количестве природных, технологических и социальных катастроф, влекущих за собой огромные человеческие бедствия. При этом каждая такая катастрофа становится и для отдельных государств и для мирового сообщества неожиданностью, поводом для лихорадочных, суматошных действий и привлечения огромного количества дилетантов и благотворителей. Между тем понятно, что пришло время для создания глобальных систем мониторинга, предупреждения и ликвидации последствий такого рода катастроф, которыми должны заниматься соответствующие специалисты и специальные фонды.

Что же делать в этих условиях?

Во-первых, пора перейти от абстрактно-философских обсуждений категории «справедливость» к живой практике, основанной на эффективном применении накопленных рассуждений, а не на интуитивном понимании справедливости, продемонстрированной героями Ильфа и Петрова.

Во-вторых, необходимо расстаться с иллюзией, что благотворительность, какие бы масштабы она не принимала, может решить социальные проблемы. Необходимо точно определить обязанности государства и межгосударственных институтов в сфере решения основных социальных проблем и позволить ему, государству, иметь для этого достаточные материальные и финансовые ресурсы. Разумеется, при полной прозрачности деятельности власти, с одной стороны, и праве на общественный контроль ее действий, с другой стороны.

В-третьих, благотворительность должна самоорганизовываться не как область деятельности владельцев крупных состояний и обслуживающих их экспертов и профессионалов, решающих, куда направить консолидированные финансовые ресурсы, а как арена массового социального творчества среднего класса. Именно здесь представители среднего класса могут реализовать свое сфокусированное представление о справедливости и найти ускользающий смысл жизни.

В-четвертых, надо найти новую философию благотворительности, дающую убедительные обоснования как для благотворения, так и для благополучения, чтобы благотворительность рассматривалась обществом именно как возможность установления справедливости и будущие участники социальных процессов не могли говорить о том, что нет смысла рассуждать о справедливости, поскольку ее не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агапова Е. Н.* Уровень и качество жизни населения: Дис. ... канд. эконом. наук. – СПб., 2003.
2. *Айдинян Р. М.* Трактат о счастье. – СПб.: Алетейя, 2008.
3. *Александров Д.* Системная благотворительность. <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>.
4. *Аргайл М.* Психология счастья. – М.: Питер, 2003.
5. *Базарова Т.Ю.* Управление персоналом. - <http://lib.rin.ru/doc/i/15955p4.html>.
6. Благотворительность в России. Ведомости. 06.03.2007.
7. Благотворительность и богатство. <http://www.chassidus.ru/library/jacobson/charity.htm>.
8. *Бобков В. Н., Горлов И. С., Гулюгина А. А., Денисов Н. А.* и др. – М.: ВЦУЖ, 2007.
9. *Брюкнер П.* Вечная эйфория: эссе о принудительном счастье. – СПб., 2007.
10. *Давыдова Е. В., Давыдов А. А.* Измерение качества жизни. – М.: Институт РАН, 1993.
11. *Дартау Л. А., Мизерницкий Ю. Л., Стефанюк А. Р.* Здоровье человека и качество жизни: проблемы и особенности управления. – М.: Синтег, 2009.
12. *Джидарьян И. А.* Представление о счастье в российском менталитете. – СПб., 2001.
13. *Зараковский Г.М.* Качество жизни населения России: психологические составляющие. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.). М.: Смысл, 2009
14. *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. // <http://www.klassika.ru/read.html?proza/ilf-retrov/telenok.txt>.
15. *Иноземцев В.* Личное против частного? Размышления о путях трансформации отношений собственности. // Общество и экономика, 1997, №№ 9-10. С. 3-22.
16. *Иноземцев В.* Социобиологическая природа противоречий XXI века. - В кн.: Постчеловечество. - М.: Алгоритм, 2007.
17. *Каверин Б. И.* Формирование уровня и качества жизни личности (социокультурное измерение) // Социология образования. – 2008. – № 4. С. 56–66.
18. *Кимлика У.* Либеральное равенство // Современный либерализм. – М., 1998. С. 138–190.
19. *Кирдина С.* Институциональные матрицы и развитие России. // <http://kirdina.ru/doc/31oct06/1.ppt>.
20. *Маджоне Дж.* Социальная политика и управление: Идеи, интересы и институты // Политическая наука: новые направления. С. 589–600.
21. *Малиновский П.В.* Глобализация и кризис цивилизационной идентичности. - <http://top.cpt21.ru/pub/8>.
22. *Мальковская И.* Знак коммуникации. - М., 2004.
23. *Мизес Л. фон.* Индивид, рынок и правовое государство: (Антология). – СПб.: Пневма, 1999.
24. *Мизес Л. фон.* Либерализм в классической традиции: Пер. с англ. – М.: «Начала-Пресс», 1994.
25. Новая русская зависть. http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml.
26. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008.
27. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Начала, 1997.

28. *Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. - СПб.: Алетейя, 2002.
29. Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой. Науч. ред. Е. Б. Шестопап. – М.: Вече, 1999.
30. *Попов Б. Н.* Взаимосвязь категории счастья и смысла жизни. – М., 1986.
31. Психологический словарь, 1983.
32. *Римашевская Н. М., Римашевский А. А.* Равенство или справедливость. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 160 с.
33. *Ролз Дж.* Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995.
34. *Сен А.* Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004.
35. *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. Собрание сочинений. - Вермонт-Париж, 1980, т. 5.
36. *Тейлор Ч.* Неразложимо социальные блага: [Электронный документ] // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 4 (18).
37. *Глостанова М.* К чему «переходят» переходные общества, или некоторые незападные «лекарства» от риторики модерности. // <http://buscom.hse.ru/materials>.
38. *Фридман М., Фридман Р.* Свобода выбирать: Наша позиция. – М.: Новое издательство, 2007.
39. *Хайек Ф. А. фон.* Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005.
40. *Хайек Ф. фон.* Судьбы либерализма в XX веке. – М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009.
41. Всемирный доклад ЮНЕСКО. К обществам знаний. [Электронный документ]. – <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf>
42. *Ackerman B.* The Future of Liberal Revolution. – New Haven & London, 1992.
43. *Danziger, Sheldon, Sandefur, Gary and Weinberg, Daniel.* «Introduction» in: Danziger, Sheldon, Sandefur, Gary D. and Weinberg, Daniel H. (eds.) *Confronting Poverty. Prescriptions for Change*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 1996, p. 10.
44. *Franklin S. S.* The psychology of happiness: a good human life. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 179 p. Счастье – компромисс иллюзий и объективности. [Электронный документ]. – http://www.global-project.ru/happiness_map/).
45. *Gutmann A. and Thompson D.* Why Deliberative Democracy? – Princeton University Press, 2004. [Электронный документ]. – <http://www.pupress.princeton.edu/chapters/s7869.pdf>).
46. *Herrnstein, Richard J. and Murray, Charles.* The Bell Curve. Intelligence and Class Structure in American Life, New York: The Free Press, 1994.
47. *Lasch, Christopher.* The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy.
48. *Myrdal, Gunnar.* Challenge to Affluence, New York: Pantheon Books, 1963.
49. *Perkin G.* The third revolution: Professional society in international perspective. – L., 1996.
50. *Perrot E.* Penser la mondialisation //Recherches de science religieuse. – P., 1998. – Vol. 86, N 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Существует много различных определений понятия «идеология». Однако, чтобы не вдаваться в анализ огромного количества литературы по проблемам идеологии, которую накопило обществоведение, ограничимся указанием на то, что идеология есть более или менее связанная система идей и представлений, с помощью которых индивид объясняет себе и другим, как устроено и как должно быть устроено общество, и оправдывает - в своих и чужих глазах - направленность, формы и способы своей общественной жизнедеятельности. Другими словами, исходная функция идеологии заключается в том, чтобы обеспечивать человеку возможность думать, будто он находится в гармонии с человеческим и мировым порядком. В этом смысле идеология по своим целям противоположна совести, задача которой постоянно указывать индивиду на несовпадение реальной жизненной практики с фундаментальными законами человеческого и мирового порядка.
2. При этом надо иметь в виду, что представители разных социальных групп имеют неодинаковое представление о «счастье», о благоденствии и о собственных перспективах. Кроме того, в свете изучения теории общественного благоденствия актуальна неизбежная проблема общего блага: им всегда пользуются также и те, кто не принимал никакого участия в разработке этого блага (из чего следует, в частности, «проблема безбилетника»).
3. Аспекты полемики разобраны Т. А. Алексеевой. См.: *Алексеева Т. А. Альтернативы деонтологическому либерализму: либертариизм и коммунитаризм // Современные политические теории. Опыт Запада: Курс лекций / Моск. гос. ин-т международных отношений (Ун-т) МИД России. – М.: РОССПЭН, 2000. – 479 с.*
4. Несмотря на кажущуюся для многих понятность и очевидность термин «социальное партнерство» - новый для сегодняшней России и не всеми воспринимается однозначно. Чаще всего встречается так называемое тред-юнионистское толкование, суть которого в установлении равноправных взаимоотношений между работодателем и работником. В более широком плане смысл понятия «социальное партнерство» состоит в налаживании конструктивного взаимодействия между тремя силами: действующими на общественной арене России - государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями (условно называемыми первым, вторым и третьим сектором). Такое взаимодействие необходимо, чтобы совместными усилиями решать значимые социальные проблемы, такие, например, как оказание помощи бедным, бездомным, инвалидам и сиротам, борьба с различными проявлениями насилия (в семье, по отношению к женщине и др.) снижение или устранение загрязнения окружающей среды, сохранение культурного и исторического наследия и т.п.
5. <http://www.asi.org.ru/ASI3/main.nsf/d/blag>.

(Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (ГК ПЗ77 от 7 мая 2010)